

Nazarova Veronica Sergeevna

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: nazarova.v@yandex.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371652.

ББК 87.6

М.А. Поночевный

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «КОНЦЕ ИСТОРИИ» В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

В работе подвергается анализу понятие «конец истории» в контексте универсальной истории. Изучение той роли, которую играл «конец истории» в структуре элементов традиционных моделей универсальной истории позволяет понять современное состояние универсально-исторической размерности сознания и пути ее дальнейшей трансформации. Также в работе уделяется внимание вопросу о специфике западной модели универсально-исторической размерности сознания.

Конец истории; универсальная история; смерть универсальной истории; универсально-историческая размерность сознания; историческое мышление; глобальное состояние.

М.А. Ponochevny

THE IDEA OF “THE END OF HISTORY” IN THE CONTEXT OF UNIVERSAL HISTORY PERSPECTIVE

Term «the end of history» in the context of universal history is analyzed in this article. Studying of the role which «the end of history» played in the structure of elements in traditional models of universal history let us understand the contemporary condition of the universal history dimension of consciousness and the ways of its further transformation. The work is also pays attention to the problem of the specific traits of the Western model of universal history consciousness.

The end of history; universal history; demise of universal history; universal history dimension of consciousness; historical thinking; Global condition.

Анализируя основные вехи развития такого феномена, как универсально-историческая перспектива, неизбежно приходишь к пониманию того, что ключевым пунктом в понимании процесса здесь выступает «конец истории». Содержание данного понятия, хотя и может показаться вполне ясным и однозначным, в действительности несет в себе множество значений и смысловых оттенков. Наложение осколков разных философских концепций, выдвигавшихся в разное время, и подчас отражений обыденного видения проблемы сделали само наше понимание «конца истории» глубокой и актуальной проблемой, требующей особого рассмотрения. Без сомнения, работа в этой области философского поиска позволит создать фундамент для последующего осмысления такой важной темы, как перспективы универсально-исторической модели и современное состояние соответствующей размерности сознания. В этом контексте отметим, что целью данной статьи является изучение основного смыслового содержания понятия «конец истории» в его связи с полем универсальной истории, уяснение его места и роли в исторической трансформации и современном состоянии универсально-исторической перспективы.

Используя в качестве исходного пункта размышлений распространенную точку зрения о том, что именно христианское мировоззрение лежало в основе формирования универсально-исторической размерности сознания как почвы для создания моделей универсальной истории, обратимся к нему. Так, например, один из наиболее известных современных исследователей этого вопроса Б.Г. Соколов пишет: «Начало модели, и соответственно, взгляда, выстраивающего универсальную историю, без сомнения, положено христианством, которое и сформировало основной каркас этой размерности» [1. С. 122]. Уже здесь, на этапе заложения самых основ универсально-исторической размерности сознания, появляется представление о «конце истории». У Августина Блаженного история человечества, протекающая как череда шести поступательно сменяющих друг друга этапов, представляет собой линейный процесс, происходящий во времени. Время понимается как категория земного мира, небесному миру вечности оно не присуще и, по-видимому, будет идти лишь столько, сколько просуществует земной мир. Времени (и истории) как линейного процесса до сотворения мира Богом вообще не существовало. Конец истории — Страшный Суд, он трагически прекратит историю человечества, станет ее концом и, по-видимому, концом течения времени [2]. В предлагаемой Б.Г. Соколовым развернутой схеме основных элементов христианской формы воплощения универсально-исторической размерности сознания «конец истории» играет исключительно важную роль. Представленный христианскими символами Страшного Суда и второго пришествия Христа он стал одним из необходимых элементов в формировании названной размерности взгляда. Его наличие постепенно «создавало особую экзистенциальную разомкнутость, разрывалась замкнутость горизонта близлежащего», что впоследствии позволило сформировать категорию отложенного во времени так называемого «будущего будущего» и было тесно связано с идеей о предустановленном плане Божьем [1. С. 124].

Понятие «конца истории», рассматриваемого в рамках данного исследования как конец истории универсальной, как мы видим, с самого своего появления определялось как финальная часть, завершение исторического процесса, непосредственно связанная с окончательной реализацией предустановленного плана Божьего (цели истории). Прежде чем двигаться к дальнейшим этапам развития универсально-исторической размерности сознания и рассмотрению позднейших воплощений концепта универсальной истории, еще раз посмотрим на так называемый начальный этап формирования этой размерности. Абсолютное большинство исследователей признают концепт универсальной истории порождением исключительно западной цивилизации. Исходя из этого, все формы его проявления в философии Нового и Новейшего времени и особо остро проявившиеся в XX веке вопросы о «смерти универсальной истории» традиционно считают симптомом состояния Западной (Новоевропейской) культуры. Тем не менее, подробное ознакомление с работами разных авторов по этой проблеме позволяет увидеть, что ряд исследователей все же проявляет тенденцию понимать универсальную историю подлинно по-философски. Они приходят к тому, чтобы понимать ее более широко, чем только ту ее историческую модификацию, которая была порождена христианством и выросшим на его основе западной универсально-исторической размерностью сознания. Безусловно, дело здесь в том, как понимать концепт универсальной истории, универсально-историческую перспективу. Ученые, связывающие универсально-историческую размерность сознания исключительно с западной культурой, определяют универсально-историческую перспективу как особый взгляд сознания, базирующийся на таких смыслообразующих компонентах, как представление о единстве и равенстве всех людей (соответственно, о едином смысле истории для

всего человечества), о цели истории, лежащей в плоскости «будущего будущего», о существовании бесконечной, линейно развернутой перспективы взгляда и наличии так называемого трансцендентального означаемого истории [1. С. 134-136]. Такую схему, в частности, выстраивает уже упомянутый нами Б.Г.Соколов, которому принадлежит одна из наиболее глубоких работ в этой области. Другие исследователи могут ограничиться более общим описанием универсально-исторического перспективы как универсального исторического мета-нарратива, центрирующего модели исторического повествования Запада в течение веков путем создания теорий исторического прогресса и цели истории, формирующих единую тотальность времени [3. Р. 8]. Так или иначе, сосредотачиваясь на специфических чертах европейской исторической традиции – как наиболее известной и разработанной – они уравнивают новоевропейское воплощение универсально-исторической перспективы и концепт универсальной истории как таковой. Йорн Рузен пишет о том, что сейчас осмысление специфики западного исторического мышления и его сопоставление с образцами незападной исторической культуры продолжает тенденцию считать наиболее разработанную форму исторического мышления, то есть западную модификацию, в качестве основного эталона и рассматривать остальные через призму ее собственной специфики [3. Р. 7].

Тем не менее, постепенно формируется и другой взгляд на проблему. Питер Берк, описывая специфику западной исторического мышления и подразумевая характерное для него универсально-историческое видение, утверждает, что оно базируется не на ряде уникальных характеристик, а скорее на уникальной исторически сформировавшейся комбинации этих характеристик [4. Р. 16]. Тем самым, представляется возможным понимать универсально-историческую перспективу Новоевропейского образца (в основе которой лежало христианство и последующее развитие светской культуры Нового времени, сформировавшее особую размерность сознания) лишь как одно из возможных реальных воплощений универсально-исторической перспективы, оставляя общеполитический смысл этой категории за скобками. Описывая процесс формирования модели универсальной истории, которая приходит на смену ранее выполнявшим схожие функции космологическим и религиозным установкам, Йорн Рузен приводит китайский пример написания универсальной истории – Сыма Цянь и его труд «Шиджи» [3. Р. 8]. Если обратиться к китайской исторической традиции как интересному примеру для сопоставления, мы увидим, что (при всех оговорках о том, что китайская историческая мысль разных эпох часто не проявляет обязательных общих черт) здесь можно выделить многие узловые элементы, напоминающие элементы универсально-исторической модели новоевропейского образца. Разумеется, никто не станет утверждать, что телеологизм европейской истории, с его яркой линейной временной развернутостью и идеей «конца истории», цели истории, имеет здесь своего «двойника». Однако, глубокий компаративный анализ и выделение черт общего и особенного в европейской и той же китайской исторической традициях, предпринимаемые группами исследователей Запада и Востока, проливают свет на эту проблему. Можно говорить о том, что идея смысла истории и ее экзистенциальной значимости для человека (категория супер-времени), несомненно, присуща китайской исторической мысли. Более того. Можно также говорить и о наличии цели истории в ряде китайских исторических концепций. Но цель здесь мыслится не как отчетливо намеченный во времени рубеж (по образцу европейского представления о «конце истории»), а скорее как вневременной порядок, которому следует соответствовать [5. Р. 20-39]. Цикличность в исторической модели, часто понимаемая как полная противоположность известной нам линейной телеологической

схеме, не обязательно препятствует формированию исторического сознания. Многовековое развитие циклической схемы в китайской исторической культуре сформировало сложный «многомерностный, многослойный и многоцентровой мир истории» [5. Р. 68], в котором каждый цикл обогащает новым смыслом течение времени. Универсальная история, понимаемая как «способ вписывания любого деяния индивида в общечеловеческий смысл» [1. С. 120] в известной степени прослеживается и здесь, как нам представляется.

Приведенное нами в качестве примера сопоставление двух традиций, двух перспектив видения истории должно наглядно проиллюстрировать следующее утверждение. Несмотря на то, что исторически существовавшая модель универсально-исторической перспективы, сформировавшаяся на Западе в рамках специфической универсально-исторической размерности сознания, имеет ряд сугубо специфических и неповторимых черт (как и всякое историческое явление, порождаемое неповторимой комбинацией факторов и условий), мы можем говорить о возможности существования других моделей универсально-исторического взгляда. Понимание универсальной истории как феномена, корнящегося не только в европейской культуре, само по себе является проблемой, требующей особого внимания. Без сомнения, наиболее развитой и известной стала универсально-историческая перспектива Новоевропейского образца. Всякое проявление подобной перспективы в западном мире автоматически объясняют воздействием западных цивилизационных образцов. По этой причине обострившиеся в ходе двадцатого века дискуссии о «конце истории», понимаемом, прежде всего, как конец универсального проекта истории, справедливо связывались с ситуацией в западной исторической мысли и с состоянием западной цивилизации вообще.

Изначально понимаемый эсхатологией раннего христианства достаточно близко, но затем отложенный в далекое будущее «будущее будущего» «конец истории» занял особое место. В эпоху адекватного содержания универсально-исторической размерности (прежде всего, содержания топоса трансцендентального означаемого) [1] и как следствие популярности модели универсальной истории, «конец истории» в схемах универсальной истории теоретически осмысливался и заранее определял выстраивание самого нарратива. Он мог представляться в виде абсолютного осознания духом своей свободы в новом обществе у Гегеля, ликвидации диалектических противоречий прежних формаций у Маркса или полном распространении идей либерализма у Кожева и Фукуямы. Так или иначе, «конец истории» здесь, уходя от своего прежнего сугубо эсхатологического (и поэтому по-своему бесспорного и архиважного) содержания лишается определенных оттенков смысла. Это уже не событие, которое одномоментным трагическим актом заканчивало историю человечества, одновременно знаменуя достижение конечной цели. «Конец истории» в поздних секуляризованных схемах действительно несколько «смазывается» и в хронологическом, и в эмоциональном смысле. Одной из главных причин произошедшего, вновь согласимся с глубокой мыслью Б.Г. Соколова, стала утрата адекватного трансцендентального означаемого, в роли которого первоначально выступала фигура христианского Бога [1. С. 128-132].

В новых универсальных историях время «конца истории» вообще не определяется каким-либо определенным моментом, прекращающим историю человечества. «Конец истории» теперь знаменует окончание исторического процесса, не оставляя пути для дальнейшего развития. «Считать историю человечества однообразной и направленной», – так описал Фукуяма основное содержание универсальной истории [6]; так же должен проявляться и «конец истории»: достижение единой для всего человечества цели всем человечеством. Разумеется, в свете этих

концепций человечество будет жить, но более ничего принципиально нового в общественное устройство не будет привнесено и, с точки зрения философии истории, история как процесс уже не может осмысляться. В ряду всех названных и неназванных концепций, построенных по схеме универсальной истории, можно провести одну разграничивающую линию. Большая часть из них действительно отодвигала конец истории в «будущее будущего», хотя и не мыслила его уже эсхатологически. В то же время последние концепции универсальной истории (Кожев, Фукуяма) намечают конец истории в своей современности, в настоящем или (неважно) в ближайшем будущем. Между двумя этими полюсами пролегает граница не просто временная (рубеж середины XX века), но и событийная, и (что существеннее) мировоззренческая.

Их разделяет осознание «смерти универсальной истории». Иногда в этом значении используют известное нам понятие «конец истории», но все же не стоит этим злоупотреблять. По сути, эти два понятия являются антонимами, так как представление о «конце истории», располагая его сейчас или в будущем, сформировано Новоевропейской универсально-исторической размерностью сознания и является одним из важнейших компонентов универсально-исторической перспективы. Представление же о «смерти универсальной истории» уходит своими корнями в начало XX столетия, когда стали впервые говорить о том, что «однообразная и направленная» историческая перспектива всего человечества вряд ли может быть очерчена. В философском поиске в это время особое место занимают цивилизационные теории О.Шпенглер и А.Тойнби. Некоторые исследователи связывают их с продолжением универсально-исторической традиции, но, тем не менее, следует признать, что они скорее шли вразрез с ней, чем следовали в ее русле.

Кризисы и потрясения XX века, а затем и так называемый постмодернистский вызов, ставший перед историей, значительно усилили представление о «смерти универсальной истории», именно о смерти, а не о конце. Представление о «смерти универсальной истории» означало отказ от попыток создания *единой* и *направленной* истории всего человечества, обе характеристики были подвергнуты серьезнейшей критике. На наш взгляд, наиболее полно этот процесс показан в книге Б.Г. Соколова «Гипертекст истории» [1], где, наряду с естественным вырождением универсально-исторической размерности сознания, создававшей необходимую почву для универсально-исторической перспективы, отмечен в качестве предпосылки небывалый доселе рост субъективизма в западной философии, его борьба с тотальными структурами.

В отличие от Вико, Кондорсе, Гегеля и Маркса, Франсис Фукуяма отдает себе отчет в том, что универсальная история считается устаревшей как концепт и невозможной как реальный ход событий. И, тем не менее, он строит последнюю в XX веке серьезную линию защиты универсальной истории, аргументируя свою идею тем, что мир проявляет сложный, непостоянный, но неуклонный ход в сторону всеобщего утверждения ценностей либерального западного мира [6]. Идея о «смерти универсальной истории», выросшая непосредственно на базе осмысления событий настоящего лишила отныне универсально-историческую перспективу если и не возможности существовать, то во всяком случае апеллировать к «будущему будущему» и помещать «конец истории» туда. Не в силах опираться на традиционную (ко времени двадцатого века, на самом деле, истощенную Новоевропейскую универсально-историческую модель) схему поддержания универсально-исторической перспективы Фукуяма, как и Кожев, помещает конец истории в настоящее или ближайшее будущее. Как когда-то в раннем христианстве «конец истории» в неразвившейся еще системе элементов универсально-исторической размерности сознания не был оторванным от близлежащего горизонта взгляда чело-

века, так и теперь «конец истории» вновь вернулся к человеку, бросив когда-то открытый горизонт бесконечной перспективы взгляда и «будущее будущего».

Вся логика нашего наблюдения за эволюцией «конца истории» и его места в судьбе Западной (Новоевропейской) универсально-исторической размерности сознания приводит нас к мысли о том, что кризис этой размерности очевиден и неизбежен. Однако, «...смерть исторического горизонта – это, без сомнения, диагноз лишь европейской культурной ситуации» [1. С. 83]. Автоматически возникает вопрос: в каком состоянии находится универсально-историческая перспектива, не связанная непосредственно с Новоевропейской ее вариацией, и есть ли она вообще. Представляется, что существование универсально-исторической перспективы вне зависимости от кризисов и «смертей» разных ее модификаций, в том числе и наиболее влиятельных, не может прекратиться. Как мы рассмотрели выше, ряд важных элементов универсально-исторической размерности может при иной конфигурации создать жизнеспособную перспективу универсальной истории в другой ее модификации. Без сомнения, всякая особая универсально-историческая размерность будет отличаться рядом характерных черт от всякой другой, сохраняя все-таки ряд общих формообразующих свойств. Мы видели возможность этого в сопоставлении китайской схемы универсально-исторической размерности и уже известной западной. Кроме того, не нужно забывать, что глобальное состояние и, в том числе, такие его составляющие как глобальные проблемы человечества, ставящие под сомнение существование планеты и человека как биологического вида, ускоренное восхождение экологической проблематики на пьедестал самых важных общественно-политических вопросов, беспрецедентность и фактически непредсказуемость грядущих событий глобального развития в прежнем контексте и необходимость формирования человечества как поистине единой общности (а не лишь представляемой) с каждым годом приобретают все более серьезные очертания. Какое же место здесь будет занимать топос «конца истории» и в каком виде он может существовать здесь – открытый вопрос.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Соколов Б.Г.* Гипертекст истории. – СПб., 2001.
2. *Августин Блаженный.* Исповедь. – М., 1992.
3. *Rüsen J.* Making sense of time. Toward a universal typology of conceptual foundations of historical consciousness // *Time and history: the variety of cultures / ed. by J. Rüsen.* Oxford, 2007.
4. *Burke P.* Western historical thinking in a Global perspective – 10 theses // *Western historical thinking: an intercultural debate / ed. by J. Rüsen.* Oxford, 2002.
5. *Chun-chiegh Huang.* Time and Supertime in Chinese Historical Thinking // *Notions of Time in Chinese Historical Thinking. / Edited by Chun-chiegh Huang and John B. Henderson.* Hong Kong, 2006.
6. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. – М., 2004.

Поночевный Максим Анатольевич

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: ponochevny8tg@mail.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371652.

Ponochevny Maxim Anatol'evich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: ponochevny8tg@mail.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371652.